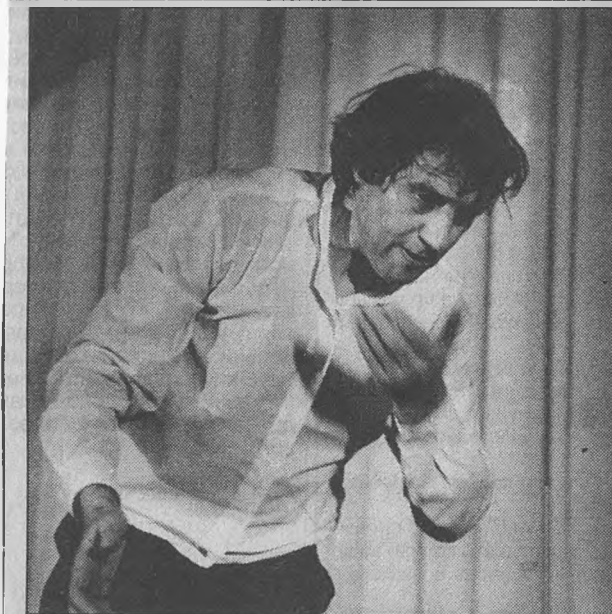




Экран и сцена. - 1998. - июль. - (№29). - с. 14, 15.

Метаморфозы.

Все течет.
И все меняется.
Ежесекундно. Перманентно. Неуловимо. "Запечатлеть эпоху", написано у Хармса, — невозможно. Иное дело "ловить момент", потому что эпоха — тот же момент, только большой. Поправим Хармса: эпоха — это то, что сложено из бесчисленного количества моментов. Герой Хармса и занимался тем, что ловил момент и запечатлевал: "ничего не произошло".

В каждый отдельно взятый момент — ничего. А на границе моментов происходят мгновенные, всепреображающие метаморфозы, которые и позволяют нам отличать один момент от следующего.

Это философическое предисловие не лишнее к рассказу о Сергее Дрейдене, артисте философического склада. Впрочем, в не меньшей степени поражающего фантастической актерской органикой. Сочетание это и позволяет ему безошибочно отделять один момент от другого, фиксировать произошедшие изменения и делать вывод, прямо противоположный тому, что глубокомысленно извлекал хармсовский персонаж: "все произошло". Непоправимо. Необратимо. Глобально.

Грандиозность перманентного изменения мира осознать невозможно, невысказано. Остается застыть в немом изумлении: как все меняется!

Интересно, как?

Сергею Дрейдену очень интересно: а действительно, как? Как успеть уловить процесс изменения?

Бежать за временем — не слишком ли самонадеянно?

Всюду успевают лишь те, кто никуда не торопится, — сказано одним мудрецом. Дрейден живет в искусстве не спеша — а вот, гляди, — его уж нет на прежнем месте. Исчез из Театра Комедии, обнаружился на подмостках Театрального музея. А то в подвальчике "Приюта комедианта". А то в другом подвальчике — галереи "Борей". А то под крышей "Чаплин-клуба", детища и площадки "Лицедеев". Как все меняется!

Странствовать из мгновения в мгновение удобнее налегке.

Дрейден не отягощен скарбом. Его переезд — это перемещение во времени и пространстве его собственного актерского существа. Ему не нужен даже пресловутый коврик, воспетый основоположниками. Вышел, дескать, актер Дрейден, расстелил коврик... Не нужен. Зачем эта лишняя

деталь? Вышел актер Дрейден — и вот вам уже кажется, что он расстелил коврик. А он просто соткал его из воздуха, из собственной фантазии, из пустого пространства. И там, где мгновением раньше не было ничего (или была безжизненная сцена), — возник коврик.

Как все меняется!

Как, как... Молча.

Странствовать по закоулкам фантазий удобнее молча. Чтобы не спугнуть обитателей. Они пугливы, они эфемерны, призрачны. Они возникают из ниоткуда и пропадают в никуда. Но и мгновенного знакомства с ними достаточно, чтобы успеть зафиксировать их появление и проводить в бытие с благодарностью: спасибо, что посетили нас, заходите еще, если застанете на прежнем месте. Что вряд ли.

Пусть бегут, не жалко. Придут другие. Силой воображения Дрейден вызовет — одного за другим — бесчисленную толпу персонажей. Уездных обитателей гоголевского "Ревизора", неприкаянных шлемазлов Шолом-Алейхема, безымянных и безмолвных посетителей Летнего сада и еще более безымянные и безмолвные фантазии всех этих героев. Персонажей, так сказать, второго порядка. Фантазии фантазий. И заодно — весь окружающий их мир. Деревья в саду,

кусты, скамейки и урны. Рыбы, птицы и насекомые. Облака. Все это возникает на мгновение, извлеченное из воображения артиста — но не падает, засушенное, в коллекцию образов, а отпускается обратно на свободу.

Пусть летит, плывет, ползет. Пусть улечивается и преобразуется во что-нибудь следующее. Люди, львы, орлы, куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы — все они суть одно и то же. Дрейден не коллекционер, ибо он и без всякого гербария или аквариума — владелец их всех. И чтобы вызвать новое существо, он не тратит лишних слов. Спектакль по "Ревизору" назывался "Немая сцена". Спектакль-фантазия "Как все меняется" и вовсе бессловесная пантомима (не случайно ее с радостью приютили "Лицедеев" — жанр, им близкий). Смотреть их можно бесконечно: пять раз, пятнадцать, сорок. Это всегда бесконечно новые спектакли. Абсолютная свобода импровизации — единственно возможная форма взаимодействия с перманентной и тотальной метаморфозой жизни.

Его театр всегда с собой. С ним самим. Где Дрейден, там и театр. Или, перефразируем сказанное о другом человеке: "Если вы видите Дрейдена — значит, вы в театре". Уже — раз и навсегда — поднят занавес, расстелен коврик, "разные ис-

тории скитаются и бегают фантазии на тоненьких ногах". И все меняется. И если вы не успели уследить за промелькнувшей фантазией, не успели понять метаморфозу одного существа в другое, не отчаивайтесь. Что за беда! Их бесчисленное множество, узнаете следующего. Не занимайтесь накопительством, странствуйте налегке, будьте открыты и свободны. Не нужно заводить архивов: будете богаче. Не жалеете навсегда, ежесекундно уходящее прошлое — стремитесь навстречу будущему. Оно всегда неузнаваемо, неожиданно и фантастически прекрасно. Новые мгновения подарят вам новые встречи: старушка обернется вороной, ворона — рыбой, рыба — львом, лев — стаканчиком с мороженым, тот превратится в дуб, в пацана, в сотовый телефон, в юную девушку, в шелест листвы, шорох водорослей, бесшумное шествие облаков.

Не так ли и в жизни, где одна фантазия сменить другую спешит... и все меняется? И вы видите себя то стариком, то младенцем, то робким влюбленным, то гордым героем? И все это вы сами. Все — в вас самих, нужно только знать, что вы и сами храните в себе весь мир. Полный метаморфоз.

А когда догадаетесь об этом, скажите спасибо артисту Дрейдену. Без него вы бы не догадались.

И он вас тоже поблагодарит.

Молча.

Соло